

И. А. Грищенко

ГГТУ имени П. О. Сухого, г. Гомель

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ИСТОРИИ В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье рассматриваются особенности христианского восприятия исторического процесса. Сравнивается секулярная трактовка смысла истории и христианский подход к данной проблеме. Сделан вывод, что христианство видит смысл истории не в бесконечном развитии, а в ее конце, когда произойдет соединение мира человеческого с миром божественным.

В исторической науке начиная с эпохи Просвещения стало привычным объяснять эпохальные события в категориях детерминизма. Препарируя, таким образом, историю, выделяя социально-экономические, политические причины случившегося, деля их на объективные и субъективные, мы стараемся постичь происходящее с позиции рационального. Как правило, все иррациональное отбрасывается и переходит в исторические анекдоты. Однако, по меткому замечанию С. Франка, «действительность не исчерпывает собою всего состава нашего опыта, а есть лишь слаженное, упорядоченное «здание», за пределами которого остаются, подобно беспорядочной груде камней рядом со строящимся зданием, неиспользованные реальности, которые мы поэтому называем «субъективными» [1, с. 288].

«Просвещённый» XVIII век положил начало рациональному постижению истории, утверждая исключительность такого подхода. Самонадеянный человек «Просвещения» поставил разум выше каких бы то ни было тайн бытия [2, с. 7]. Относительно церковной истории высказывались мнения нелицеприятные для православного сознания. Религию переосмысливали как орудие государственной политики, один из способов отстаивания государственных интересов (В. Татищев, И. Болтин, М. Щербатов). Воплощением такого прагматичного отношения к Церкви стало создание Синодальной системы управления Российской православной церкви. В советской историографии такое воззрение на Церковь подкреплялось положениями экономического материализма.

Рассуждения об истории с опорой на причинно-следственные схемы выхолащивают то, что Н. Бердяев называл «тайной исторического». Под этой тайной понимается глубинный смысл истории, её

духовное наполнение. Человек, будучи духовным существом, наделяет смыслами все стороны своей жизни и все сферы своей деятельности. Выводить за смысловые пределы историю, ограничивая её задачи только утилитарными целями, значило отказать человеку в его духовном измерении. Иначе говоря, нельзя рассматривать историю вне духовной жизни человека.

Ветхозаветная традиция впервые поставила вопрос о смысле истории, а этот вопрос неразрывно связан со смыслом жизни человека. Темой истории является судьба человека. Разрыв с языческой схемой цикличности времени приводит к проблеме начала и конца истории, в результате чего всё приобретает эсхатологический смысл. «Если история не есть лишь внешний феномен, если она имеет какой-то абсолютный смысл и связь с абсолютной жизнью <...> то значит она должна начинаться и завершаться в недрах Абсолютного» [2, с. 35]. С христианской точки зрения кульминацией истории является воплощение Иисуса Христа, а Голгофа передает суть исторической драмы, в которой Божественная воля, человеческая свобода и дьявольское искушение встречаются, вступают во взаимодействие и противостояние.

Решая сиюминутные задачи, человечество задается вопросами об оптимальной социально-экономической модели, лучшем политическом режиме, но с точки зрения «последнего смысла» эти проблемы второстепенны, они значимы именно как земная необходимость. Поэтому абсолютизировать какой-либо общественный строй, экономическую модель, идейные установки в условиях относительности и временности существования немислимо [1, с. 130].

При внешней повторяемости исторических событий, каждое приобретает в свете христианской историософии свою неповторимость и уникальность. Что неизменно – это алгоритм действия добра и зла, добродетели и порока.

Эмпирическое сознание делит время на три части: прошлое, настоящее, будущее. Христианская икона не членит время. Все события в ней происходят одновременно, поскольку все пропитано вечностью. Такое понимание времени даёт чувство сопричастности прошлого, настоящего и будущего, их неразрывной связи. Будущее в христианском понимании оказывается более эфемерным, нежели прошлое и настоящее. Призраки будущего, порождаемые теорией прогресса, всегда требовали жертв. Однако, как отмечал Н. Бердяев, «нельзя утверждать постоянное нарастание положительного на счёт отрицательного» [2, с. 150]. Прогрессистский подход к истории уни-

чижает то, что привносит каждое поколение, сводя их творческую работу к функции удобрения почвы для будущего. Христианское восприятие времени в контексте вечности делает каждое поколение самоценным. В этом ключе актуализируется его нравственная ответственность, а политический аморализм в духе Н. Макиавелли только усугубляет вину человечества за попытку выстроить свою земную жизнь с позиции духовной автономности.

Восприятие истории в категориях относительных ценностей создаёт искуссительную ситуацию оправдания зла. Впрочем, в истории зло чаще пыталось оправдаться «высокими» идеями (счастье, безопасность, благополучие человека/человечества, народа, нации). Сомнительность идеалов секулярного гуманизма христианская антропология объясняет состоянием греховности человека. Святитель Феофан Затворник так описал духовный тупик, в который человек загнал себя своей самодостаточностью: «Отвратившись от Бога, человек останавливается на себе и себя поставяет главной целью всей своей жизни и деятельности. Это потому, что после Бога нет для него ничего выше себя самого; <...> получив прежде от Бога всякую полноту, а теперь опустевши от Него, спешит он и заботится, как бы и чем бы себя наполнить. <...> От Бога, Который есть полнота всего, отпал; сам пуст; осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам и жить в них. <...> Почему характеристическая черта греховной жизни есть забота о многом, многопопечительность» [3, с. 98–99]. Эта «многопопечительность» порождает разнообразные экономические, политические, социальные проекты, духовный суррогат в виде философских концепций, эстетических направлений. При таком интеллектуальном изобилии ничтожность результатов свидетельствует о духовной скудости гуманистического человека. Как отмечал С. Франк, «мы страдаем не от избытка, а от недостатка духовной силы» [1, с. 163].

Драма истории неотделима от драмы человеческой судьбы. С точки зрения христианской антропологии конечная цель человеческой жизни заключается в обожании человека, то есть восстановлении его целостности, нарушенной грехопадением. В этом смысле приход Христа – акт искупительный и врачевательный: «Когда человек не стал Богом, сам Бог в честь меня сделался совершенным человеком» [4, с. 143]. Собственно, история начинается с акта грехопадения, а конец её – в возвращении человечества к Творцу. Закон духовной жизни зиждется на свободе. Суть исторической драмы заключена в свободе человека, которая выступает главным условием восстановления богообщения. Без волевого усилия человека Бог сам по себе ничего не делает, хотя и может.

Реальность жизни нередко приводит к выводу о крахе самого христианства, – человечество не стало лучше в духовном смысле. Апокалипсис, описывая последние времена, констатирует, что неудачу потерпело не христианство, а мир относительных ценностей. Бесконечное развитие истории, замкнувшееся на себе, лишено духовного смысла и, следовательно, представляет собой дурную бесконечность. Христианство видит смысл истории в её конце, когда исчезнет само время и мир человеческий соединится с миром Божественным.

Список источников и литературы

1. Франк, С. Л. Непостижимое / С. Л. Франк // Сочинения. – М. : Правда, 1990. – 607 с.
2. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
3. Святитель Феофан Затворник Вышенский. Путь ко спасению. Письма о христианской жизни. Поучения / Феофан Затворник Вышенский. – М. : Лепта-Пресс, 2005. – 800 с.
4. Флоровский, Г., протоиерей. Восточные отцы IV века / Г. Флоровский. – Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 303 с.

УДК 271.2-9(476.2-37Мозырь)«18/19»

Н. А. Артюшко

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА МОЗЫРЩИНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается история православной церкви на Мозырищине в период XIX – начале XX в. в контексте конфессиональной политики Российской империи на белорусских землях. Установлено, что политика Российской империи была направлена в первую очередь на укрепление позиций православной церкви, которая должна была стать идеологической опорой власти среди населения.

К концу XVIII в. в Речи Посполитой православное население составляло лишь около 10 % от всех жителей государства (в Беларуси – около 6–8 %). На землях ВКЛ сохранилось лишь 50 православных приходов (всего в Речи Посполитой – около 300) [1, с. 61]. Преобладали католическая и униатская церкви. Начиная с XVI в. в Мозырском